

Информация для цитирования:

Райнхардт Р. О. Германская научная диаспора за рубежом в 1933—1946 годах : механизм самоорганизации и инструменты взаимопомощи / Р. О. Райнхардт, Г. Н. Буслаев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 483—502. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-483-502.

Reinhardt, R. O., Buslaev, G. N. (2025). German Scientific Diaspora Abroad (1933-1946): Mechanisms of Self-Organization and Instruments of Mutual Assistance. *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 483-502. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-483-502. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Германская научная диаспора за рубежом в 1933—1946 годах: механизм самоорганизации и инструменты взаимопомощи

Райнхардт Роман Отмарович

orcid.org/0000-0002-0890-8844,

кандидат экономических наук, доцент,

доцент кафедры дипломатии,

корреспондирующий автор

don.reinhardt@mail.ru

Буслаев Георгий Николаевич

orcid.org/0000-0003-0595-3831

аспирант кафедры дипломатии

buslaev.egor98@gmail.com

Московский государственный институт
международных отношений
(университет)

Министерства иностранных дел
Российской Федерации
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-78-10136

German Scientific Diaspora Abroad (1933-1946): Mechanisms of Self- Organization and Instruments of Mutual Assistance

Roman O. Reinhardt

orcid.org/0000-0002-0890-8844

PhD in Economics, Associate Professor,

Department of Diplomacy,

corresponding author

don.reinhardt@mail.ru

Georgy N. Buslaev

orcid.org/0000-0003-0595-3831

Postgraduate student,

Department of Diplomacy

buslaev.egor98@gmail.com

Moscow State Institute
of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-78-10136

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс формирования германской научной диаспоры за рубежом после прихода к власти нацистов в 1933 году. Анализируются предпосылки масштабной эмиграции научных кадров из страны, прежде всего, принятие 7 апреля 1933 года закона о восстановлении статуса государственных служащих. Рассматривается уникальный исторический прецедент учреждения организации взаимопомощи научных работников, вынужденно оказавшихся в эмиграции, — Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом. Делается акцент на значении личной инициативы видного патолога Филиппа Шварца и его ближайших соратников в создании названной структуры. Изучаются механизм и особенности ее работы, ключевые географические направления деятельности и международные связи. Проанализированы материалы специального архивного фонда британского Общества защиты науки и образования. Проведена оценка эффективности работы ассоциации за тринадцатилетний период ее существования — с 1933 по 1946 годы. Сделан вывод, что основанная Филиппом Шварцем организация сыграла важную роль в институционализации немецкой научной диаспоры в соответствующий период и помогла почти 1800 ученым спастись от преследования нацистских властей. Отмечена значимость наследия ассоциации не только как исторического эпизода, но и как одного из образцов успешного «научно-диаспорального строительства» в экстремальных условиях.

Ключевые слова:

научная диаспора; научная дипломатия; утечка умов; история Германии; Чрезвычайная ассоциация немецких ученых за рубежом; Филипп Шварц.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the process of forming the German scientific diaspora abroad following the rise of the Nazis to power in 1933. It analyzes the factors leading to the large-scale emigration of scientific personnel from Germany, particularly focusing on the enactment of the Law for the Restoration of the Professional Civil Service on April 7, 1933. The study highlights a unique historical precedent in the establishment of a mutual assistance organization for scientists who were forced into exile — the Emergency Association of German Scientists Abroad. Emphasis is placed on the significance of personal initiative by prominent pathologist Philipp Schwartz and his close associates in founding this organization. The mechanisms and characteristics of its operations, key geographical areas of activity, and international connections are explored. Materials from a special archival collection of the British Society for the Protection of Science and Learning are analyzed. An assessment of the association's effectiveness over its thirteen-year existence — from 1933 to 1946 — is conducted. The findings indicate that the organization founded by Philipp Schwartz played a crucial role in the institutionalization of the German scientific diaspora during this period, aiding nearly 1,800 scholars in escaping persecution by the Nazi regime. The legacy of the association is noted not only as a historical episode but also as a model of successful “scientific diasporic construction” under extreme conditions.

Key words:

scientific diaspora; scientific diplomacy; brain drain; history of Germany; Emergency Association of German Scientists Abroad; Philipp Schwartz.

УДК 325.2(=112.2):001.38“1933/1946”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-483-502

Научная специальность ВАК
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Германская научная диаспора за рубежом в 1933—1946 годах: механизм самоорганизации и инструменты взаимопомощи

© Райнхардт Р. О., Буслаев Г. Н., 2025

1. Введение = Introduction

Формирование научной диаспоры, как правило, представляет собой сложный и нелинейный процесс. На него могут влиять как внутренние, так и внешние факторы. Что касается внутренних факторов, то мотивацию научных работников к переезду за рубеж зачастую обуславливают, с одной стороны, профессиональная компонента и, с другой стороны, социальная или этнокультурная. В первом случае основной движущей силой миграции научных кадров выступает академическая мобильность в совокупности со сравнительно более привлекательными условиями труда, дополнительными карьерными возможностями, а также иными стимулами и обстоятельствами, способствующими более полному, нежели на родине, раскрытию их потенциала и развитию в стране, куда они уезжают [Мозебах и др., 2024]. Во втором случае речь может идти о присутствии ученых и исследователей в масштабных миграционных потоках — например, так называемых поздних переселенцев в Германию из России и бывших советских республик в 1990-х годах [Буслаев, Немудров, 2024].

Говоря о внешних факторах, в положительном ключе уместно выделить меры и программы отдельных государств по привлечению иностранных ученых. В последнее время для обозначения этого феномена иногда даже используется термин *охота за умами* (англ. *brain hunt*) [Коробков, 2012]. В более широком смысле он попадает, на наш взгляд, в предметное поле научной дипломатии и — уже — «дипломатии для науки» как одного из трех условных подразделов последней [Райнхардт, 2019].

Однако не секрет, что отнюдь не всегда ученые эмигрируют «за лучшей жизнью». Известно немало случаев, когда они это делали в большей степени «от плохой (или даже совсем плохой) жизни» в родной стране. Последняя может подразумевать деградацию национального научного комплекса и его инфраструктуры вследствие разного рода политических

и / или социально-экономических трансформаций, резкого сокращения финансирования фундаментальной и прикладной науки, равно как и иных связанных с перечисленными явлений, подобных тем, что, скажем, наблюдалось в странах бывшего СССР сразу после его распада [Дежина, 2012]. Впрочем, это еще далеко не худший сценарий. В наиболее экстремальных случаях, как то: войны, в том числе гражданские, преследования по политическим или иным мотивам, другие ситуации, представляющие угрозу не только и не столько для научной карьеры, сколько для жизни, — деятели науки бывают просто вынуждены спасаться бегством.

В свою очередь, такие критические ситуации гипотетически могут способствовать большей консолидации групп ученых и научных сообществ, оказавшихся против своей воли в изгнании. Ведь в случае добровольной и осознанной миграции проблем — главным образом не научного, а бытового свойства — обычно меньше, чем в случае миграции вынужденной. Как следствие, даже если ученые массово ищут более выгодные места за границей, они не всегда склонны сотрудничать друг с другом и совместно решать те или иные стоящие перед ними общие задачи. В результате научная диаспора как таковая либо не формируется вовсе, либо приобретает амфорный, «атомизированный» [Аллахвердян, 2007] характер.

Общая беда, как известно, наоборот, объединяет. Причем иногда даже тех, кто при ее отсутствии и не стал бы взаимодействовать с оказавшимися в сходном положении. Впрочем, принимать кооперацию и самоорганизацию ученых-изгнанников за некую данность было бы методологически неверно. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что подобные явления могут и не наблюдаться даже при наличии к ним объективных предпосылок. Так, например, ученые, эмигрировавшие из России после революций 1917 года, практически не реализовали каких-либо памятных проектов по институциональному объединению [Наука в рассеянии ..., 2019] — в отличие, предположим, от дипломатов, создавших тогда же до сих пор уникальную по своему характеру структуру — «Совет послов» русского зарубежья [Миронова, 2011; Райнхардт, 2019].

Если обратиться не к истории, но к современности, то, несмотря на активное обсуждение этого сюжета в экспертных кругах [Researchers, 2022], украинские ученые, покинувшие страну после 2022 года, также не создали какой-либо относительно широко известной организации взаимопомощи. Такая взаимопомощь если и осуществляется, то носит разрозненный, точечный и несистемный характер.

Тем интереснее предстает исторический эпизод самообъединения ученых, вынужденно покинувших Германию после прихода к власти нацистов в 1933 году. В том же году под началом видного патолога Филиппа Швар-

ца в Цюрихе была создана Чрезвычайная ассоциация немецких ученых за рубежом (нем. Notgemeinschaft deutscher Wissenschaftler im Ausland). Данная ассоциация оказывала поддержку преследуемым нацистами ученым, профессорам и преподавателям в поиске новых рабочих мест в различных научных центрах и университетах по всему миру. Эта структура просуществовала до 1946 года, когда в ее деятельности отпала практическая необходимость. За тринадцать лет своей работы, в которой принимали участие корифеи немецкой науки, в частности один из создателей квантовой механики и будущий лауреат Нобелевской премии по физике (1954 год) Макс Борн, она оказала реальную помощь многим ученым-выходцам из Германии, представлявшим самые разные области знания. Фактически история данной ассоциации являет собой один из немногочисленных и, возможно, наиболее успешных примеров органичного возникновения, институционализации и функционирования научной диаспоры.

С учетом этого, а также в свете отсутствия ее анализа в отечественных специализированных научных трудах и неполного отражения в зарубежных работах обозначенный сюжет представляется значимым и актуальным для рассмотрения в исследуемом нами контексте.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

На текущем этапе научные диаспоры, несмотря на их в известной мере нишевую природу, уже начинают закрепляться как в науковедении, так и в диаспоро- и эмигрантоведении в качестве самостоятельной темы [Буславев, Немудров, 2024; Мозебах и др., 2024]. Они выступают объектом междисциплинарных исследований [Scientific Diasporas ..., 2006], равно как и в более узком плане предметом анализа в рамках исторических [Стародубцев, 2014], социологических [Рязанцев и др., 2013], а также иных гуманитарных научных трудов [Авдашкин, 2014].

При этом бóльшая часть отечественных изысканий по данной тематике по понятным причинам фокусируется на истории развития и проблемах российских или русскоязычных научных диаспор за рубежом [Аллахвердян, 2007; Дежина, 2012; Коробков, 2012]. Последнее обусловливается не только теоретическим интересом, но и прикладной ценностью соответствующих исследований для их авторов.

Что касается немецких научных диаспор, то до сих пор они комплексно не разрабатывались отечественными специалистами. Отдельные связанные с их существованием аспекты затрагивались в сочинениях, посвященных так называемым российским немцам в разные исторические периоды. Например, получили описание карьерные траектории ученых-выходцев из Германии в послепетровской России [Турнаев, 2005]. Некоторые вопро-

сы, относящиеся к жизни и самоидентификации их потомков (вплоть до современности), также попадали в поле зрения специалистов [Зевелева, 2014; Авдашкин, 2015].

В данный корпус работ не вошла тема эмиграции ученых из нацистской Германии, поскольку основным географическим вектором той был не восточный, а западный. Случаи переезда немецких ученых в СССР в 1930-е и тем более в первой половине 1940-х годов определенно не носили массового характера [Долгова, 2022], в то время как вывоз германских специалистов для участия в передовых разработках и секретных проектах авиационной промышленности, ракетостроения и, наконец, создания советского ядерного оружия [Бомба от немецкого барона ..., 2009] — принципиально иной и, в силу своей подоплеки и сущности, лишь косвенно соприкасающийся с рассматриваемой нами проблематикой тематический пласт.

Тем не менее судьбы некоторых подвергавшихся риску немецких ученых, которые эмигрировали после прихода к власти нацистов либо, наоборот, вследствие разных причин остались в Германии, рассматривались в новейших науковедческих сочинениях российских авторов [Дмитриев, 2019].

Разумеется, в немецкоязычной литературе таких работ больше, при том что издан целый ряд специализированных трудов [Doyum, 1985; Fischer, 1991; Stiefel, Mecklenburg, 1991; Schwartz, 1995; Longerich, 1998; Feichtinger, 2001; Grüttner et al., 2007; Benzenhöfer et al., 2017], посвященных непосредственно этой проблеме и деятельности Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом (далее — Ассоциация). Не фигурировавшие ранее в отечественном экспертном дискурсе и вводимые нами в научный оборот, именно они легли в основу проведенного анализа.

Источниковую базу исследования составил фонд Ассоциации в архиве британского Общества защиты науки и образования (англ. Society for the Protection of Science and Learning), хранящийся в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета [Notgemeinschaft ...]. Названное Общество было создано в том же году, что и Ассоциация (1933 год), под названием «Совет содействия ученым» (англ. *Academic Assistance Council*) как некоммерческая благотворительная организация для ученых, находящихся в опасности, которая на тот момент исходила в первую очередь от нацистского режима в Германии. В 1936 году *Совет* был переименован в *Общество*, а в 1999 году реорганизован в *Совет для ищущих убежище ученых* (англ. Council for Assisting Refugee Academics). В 2014 году данная организация вновь сменила вывеску — уже на «Совет для ученых, находящихся в зоне риска» (англ. *Council for At-Risk Academics*), сохранив, однако, аббревиатуру — *CARA*. Данная НКО с более чем девяностолетней историей продолжает работать по сей день на базе Лондонского университета

Саут-Бэнк. Поскольку в рассматриваемый нами период (1933—1946 годы) она выступала главным зарубежным партнером Ассоциации, указанные фонды содержат ценную первичную информацию об истории последней.

Работа с перечисленными источниками и материалами позволила исследовать объект в различных ракурсах и прийти за счет этого к теоретически значимым выводам.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Предпосылки создания Чрезвычайной ассоциации немецких ученых за рубежом

7 апреля 1933 года правительство Третьего Рейха приняло закон о восстановлении статуса государственных служащих (нем. *Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums*) [Gesetz, 1933] (в некоторых русскоязычных источниках также встречается вариант перевода «Закон о восстановлении (профессионального) чиновничества»), обязавший всех чиновников, желающих продолжить исполнение своих обязанностей, предоставить в уполномоченные органы так называемое свидетельство об «арийском» происхождении (нем. *Ariernachweis*). Госслужащие, не представившие данный документ, автоматически увольнялись со службы либо, при наличии к тому оснований, отправлялись на пенсию.

Изначально некоторым послаблением было содержащееся в третьем параграфе указанного закона положение о том, что его действие не распространялось на тех, кто получил статус государственного служащего до 1 августа 1914 года, а также на сражавшихся на стороне Германии или ее союзников во время Первой мировой войны или потерявших отцов либо сыновей в ходе соответствующих сражений [Gesetz, 1933]. Последнее исключение, также называемое «привилегией фронтовиков», было включено в текст об инициативе рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга. Наряду с этим, частные исключения в отношении отдельных лиц могли производиться решением рейхсминистра внутренних дел по соглашению с профильными министерствами и институтами.

Тем не менее после принятия Первого распоряжения к Закону о гражданах Рейха от 14 ноября 1935 года «привилегия фронтовиков» утратила юридическую силу. И если, по имеющимся оценкам [Longerich, 1998, р. 42—43], в промежуток между апрелем 1933 года и ноябрем 1935 года соответствующим исключением смогли воспользоваться около половины из порядка 5 тысяч чиновников еврейского происхождения, то после его отмены все они оказались «за бортом» государственной гражданской службы.

Принятие данного дискриминирующего законодательства коснулось и ученых — большей части университетских профессоров, доцентов, пре-

подавателей, учителей, научных работников, а также практикующих юристов (особенно нотариусов), традиционно имеющих в германской правовой системе статус чиновника (нем. Beamter). В результате, в соответствии с оценками экспертов [Grüttner et al., 2007], число уволенных с 1933 по 1936 годы сотрудников германской высшей школы составило порядка 1150 человек, или 14,3 % от совокупного среднесписочного профессорско-преподавательского состава за соответствующий отчетный период.

Как следствие, попавшие под действие описанного нормативного правового акта ученые — прежде всего, еврейского происхождения хотя бы по одной из линий родословной — лишились возможности продолжать свою научную карьеру в Германии. Таких было немало, а в отдельных областях науки (физика, химия, биология), равно как в медицине и юриспруденции, их доля была совсем высока, доходя местами до 50—60 % [Longerich, 1998, p. 41]. Более того, речь шла о многих «лучших умах», видных талантах и авторитетах в своих сферах — как уже получивших международное признание (самый известный из них, пожалуй, Альберт Эйнштейн, покинувший Германию весной 1933 года), так и находящихся в начале своего многообещающего пути. Позднее к ним примкнули и деятели науки, имеющие «неарийских» близких родственников, в особенности супруг и супругов, которых официально (на уровне законодательства) преследовали нацисты [Longerich, 1998, p. 42].

Фактически единственным выходом для них, причем не только с точки зрения научной траектории, но и, как все прекрасно понимали, из соображений личной безопасности, стала эмиграция. Конечно, находились исключения (как, например, выдающийся физик Петер Дебай, лауреат Нобелевской премии по химии 1936 года), которые благодаря умелому маневрированию, компромиссам и определенным личным преимуществам (в случае Дебая — нидерландское подданство) продолжали оставаться членами научного сообщества гитлеровской Германии [Дмитриев, 2019]. Однако случай Дебая, безусловно, исключительный.

Большинству его коллег повезло гораздо меньше, и иных опций, кроме как «делать карьеру и фортуна» за пределами германских земель, у них не оставалось. Одним из таких вынужденных «научных эмигрантов» стал основатель Ассоциации, анатом и патолог Филипп Шварц.

Сын еврейского купца, он с 1914 по 1918 воевал в австро-венгерской армии, оставив службу в звании лейтенанта. В 1919 году Шварц, получив базовое медицинское образование в Будапеште (судя по всему, отчасти экстерном), поступил ассистентом в Патолого-анатомический институт Франкфуртского университета им. И. В. Гете. В 1927 году он стал профессором по кафедре патологии и в свои 33 года самым молодым носителем

этого ученого звания в стране [Schwartz, 1995, p. 6]. Спустя еще три года, в 1930 году, юный профессор обрел гражданство Веймарской республики. Работая во Франкфурте-на-Майне, периодически выезжал для чтения лекций и участия в научных мероприятиях в Белграде.

По собственному свидетельству [Ibid., p. 8], 23 марта 1933 года Шварц сел на ночной поезд, следовавший до Цюриха. Там его ждали родственники жены, в частности тесть Синай (Самуил) Чулок — видный натуралист и биолог. Тот, в свою очередь, был уроженцем города Константинограда (территория нынешней Харьковской области), который еще в 1894 году переехал в швейцарскую столицу и сделал там блестящую академическую карьеру. Будучи близким к кругам российских революционеров, он в свое время даже принимал у себя в гостях В. И. Ленина [Fluntern]. Именно дом Чулока, в котором тот в 1920-е годы открыл носивший его имя частный институт, впоследствии стал первой штаб-квартирой Ассоциации.

Прежде чем перейти к анализу начал Ассоциации, отметим несколько важных в настоящем контексте деталей, относящихся к отъезду Шварца. Во-первых, он покинул Германию за две недели до принятия закона о восстановлении статуса госслужащих, потенциально лишившего его права работы в университете. Во-вторых, по статусу он был одним из немногих университетских профессоров, не имевших чиновничьего статуса (нем. *nichtbeamteter außerordentlicher Professor*). Следовательно, изначально действие закона на него бы не распространялось. Наконец, в-третьих, будучи ветераном Первой мировой войны, он теоретически смог бы воспользоваться вышеупомянутой «привилегией фронтовика». Таким образом, с позиций юридического анализа его отъезд изначально не был напрямую обусловлен описанным законом. Иными словами, второй едва ли может считаться объясняющей причиной первого, как это иногда трактуют специалисты [Fischer, 1991; Grüttner, Kinas, 2007]. Тем не менее, будучи человеком осторожным и дальновидным, а также, вероятно, лучше, чем некоторые его «коллеги по цеху», информированным, в личной борьбе с нацистскими властями Шварц во многом «сыграл на опережение». Как показала дальнейшая история и его судьба, тем самым он, скорее всего, сделал правильный выбор.

3.2. Создание Ассоциации и особенности ее функционирования

Прибыв в Цюрих и осмыслив бедственное положение, в котором находились остающиеся в Германии или тоже начинающие покидать страну его коллеги, Шварц приступил к работе над созданием организации взаимопомощи ученых в изгнании. Точная дата основания организации в исследованном архивном фонде не обнаруживается [Notgemeinschaft], однако восстановление хронологии событий позволяет судить о том, что это произошло не ранее 24 марта и не позднее 16 мая 1933 года [Benzenhöfer et al., 2017, p. 25].

Скорее всего, импульсом для создания Ассоциации стало принятие вышеупомянутого закона от 7 апреля 1933 года. Таким образом, наиболее вероятная точка отсчета может быть отнесена ко второй декаде апреля 1933 года.

По замыслу Ассоциация должна была стать консультационным центром для немецких ученых по вопросам трудоустройства [Notgemeinschaft]. Ее функционал не предполагал оказание какой-либо финансовой помощи ученым-эмигрантам. Иными словами, речь шла о своего рода частной бирже труда для товарищей по несчастью, а не о фонде или кассе взаимопомощи.

Этим Ассоциация принципиально отличалась от структуры с похожим названием — Чрезвычайной ассоциации немецкой науки¹ (нем. Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft), созданной 30 октября 1920 года по инициативе ряда ведущих членов Прусской академии наук. Последняя учреждалась в условиях тяжелейшего экономического кризиса в Веймарской республике для поддержания национального комплекса НИР, который испытывал хроническое недофинансирование. Работа этой организации как раз предполагала определенное перераспределение финансовых средств между ее членами в пользу более нуждавшихся. В 1929 году она была переименована в Германскую ассоциацию по сохранению и развитию научной деятельности (нем. Deutsche Gemeinschaft zur Erhaltung und Förderung der Forschung), хотя в некоторых документах продолжало фигурировать прежнее название [Долгова, 2022]. Преемником данной организации в настоящее время выступает образованное 2 августа 1951 года Немецкое научно-исследовательское общество (нем. Deutsche Forschungsgemeinschaft) — крупнейший в Германии фонд поддержки фундаментальной науки, аналогом которого можно считать Российский научный фонд (РНФ) [Социально политическая функция ..., 2016].

Несмотря на функциональное различие, некоторые исследователи все же соотносят эти две ассоциации и проводят между ними параллели [Feichtinger, 2001, p. 71]. Полагаем, что это объясняется главным образом созвучием их названий. Скорее всего, учреждая свою Ассоциацию, Шварц не только вдохновлялся опытом старших товарищей, но и стремился, выражаясь языком современного маркетинга, мимикрировать под уже известный и хорошо узнаваемый бренд: к тому времени слово «Notgemeinschaft» в научных и околонаучных кругах у многих было на слуху и вызывало скорее положительные ассоциации. Добавим, что дословно *Not* переводится

1 При отсутствии официального или устоявшегося в русскоязычной специализированной литературе и источниках перевода далее в тексте используются авторские переводы названия этой и некоторых других организаций, с нашей точки зрения, максимально точно передающие смысловую нагрузку оригинальных названий. Иногда они отличаются от дословного перевода и калек, используемых другими авторами, в том числе теми, на труды которых мы ссылаемся [Долгова, 2022].

с немецкого языка как «нужда» или «бедствие», что вполне соответствовало переживаниям ученых, отражая дух и реалии описываемого периода.

Офисом Ассоциации, как уже было отмечено, стал дом тестя Шварца, располагавшийся в тихом и живописном районе Цюриха Флунтерн [Fluntern]. Сейчас это здание принадлежит кантональной школе (гимназии) Рэмбиюль. В апреле–мае 1933 года через его парадный подъезд прошло более тысячи посетителей, представлявших самые разные отрасли немецкой науки и обращавшихся за помощью к Шварцу и его соратникам [Notgemeinschaft]. В соответствии с основополагающим принципом работы Ассоциации при рассмотрении обращений не учитывалась этническая (в терминах тех лет — «расовая») и конфессиональная принадлежность просителей [Feichtinger, 2001, p. 71].

Первым председателем Ассоциации закономерно стал сам Шварц, однако спустя полгода он был вынужден покинуть этот пост в связи с переездом на постоянное место работы в Стамбул. Его преемником стал юрист и экономист Фриц Демут [Stiefel et al., 1991]. Тот, в свою очередь, в 1936 году перебрался в Лондон, куда вместе с ним была переведена и штаб-квартира Ассоциации. В британской столице она продолжала базироваться вплоть до своего роспуска в 1946 году, при этом в 1941 году была переименована в *Ассоциацию ученых-иммигрантов* (англ. *Association of Immigrant Scholars*) [Notgemeinschaft].

Что касается единомышленников и помощников Шварца и Демута, то среди них были такие видные деятели науки, как упомянутый выше Макс Борн, а также невролог и психиатр Курт Гольдштейн. В одном из писем, датированном 10 июля 1933 года [Notgemeinschaft], Шварц называет первого ответственным лицом за помощь по линии Ассоциации ученым, представлявшим естественные науки и математику, а второго — за содействие ученым-медикам. Демут же в одной из брошюр о работе Ассоциации от 1934 года [Notgemeinschaft] наряду с Борном и Гольдштейном ставит в ряд ее ключевых подвижников фармаколога и эндокринолога Зигфрида Леве, называя его даже соучредителем. Тем не менее детали деятельности членов этой группы, их роли и зоны ответственности в Ассоциации в явном виде не подкрепляются доступными архивными данными [Notgemeinschaft] и к тому же вызывают сомнения у немецких историков [Benzenhöfer et al., 2017]. Как бы то ни было, целесообразно отметить, что ядро и «костяк» Ассоциации были немногочисленными по своему составу и включали представителей разных научных дисциплин, вероятнее всего, либо вовсе не знакомых между собою до эмиграции, либо знакомых лишь поверхностно.

Серьезными трудностями, с которыми столкнулись многие ученые, покинувшие Германию в первой половине 1930-х годов, стали непризна-

ние немецких дипломов рядом государств пребывания, а также проблемы с получением там вида на жительство и разрешения на осуществление трудовой деятельности [Feichtinger, 2001, p. 72]. Для коллективной работы по преодолению этих и смежных административно-бюрократических барьеров в рамках Ассоциации был создан Совет немецких профессоров за рубежом [Notgemeinschaft]. Входившие в него профессора оперативно информировали членов Ассоциации об открытых и открывавшихся вакансиях преподавателей и научных сотрудников в университетах и НИИ по всему миру. Ученые, которые успешно участвовали в конкурсе на замещение соответствующих должностей, со временем «подтягивали» и «пристраивали» туда своих коллег, создавая тем самым весьма разветвленную горизонтальную структуру сетевого типа.

На базе синтеза имеющихся данных [Notgemeinschaft] допустимо выделить следующие географические векторы продвижения Ассоциации и координаторов на соответствующих участках: Стамбул (Шварц, швейцарский педагог и политик Альберт Мальхе, а также математик и механик Рихард фон Мизес — брат именитого экономиста Людвиг фон Мизеса), Кембридж (Фриц Габер — химик, лауреат Нобелевской премии по химии 1918 года), Оксфорд (философ Эрнст Кассирер), Нью-Йорк (Гольдштейн, а также терапевт Леопольд Лихтвиц), Принстон (математик и физик-теоретик Герман Вейль), Стокгольм (гинеколог Бернхард Цондек), Женева (юрист и философ Ганс Кельзен), Брюссель (физик Петер Прингсхайм), Копенгаген (физик-экспериментатор, лауреат Нобелевской премии по физике 1925 года Джеймс Франк).

Для более эффективной работы по британскому направлению Ассоциация с самого начала тесно сотрудничала со своим ровесником — «Советом содействия ученым» (англ. *Academic Assistance Council*), располагавшимся в Лондоне. С 1933 года обе структуры находились в регулярном контакте, при этом у Ассоциации в Совете был постоянный связной [Notgemeinschaft]. После релокации Ассоциации в столицу Соединенного Королевства в 1936 году процесс коммуникации между ними еще больше упростился. В итоге, благодаря перечисленным факторам, грамотным действиям и шагам организаторов, ко второй половине 1930-х годов у немецкой научной диаспоры за рубежом сформировалась довольно развитая институциональная инфраструктура.

3.3. Турецкое направление и эффективность деятельности Ассоциации

К 1936 году картотека Ассоциации насчитывала около 1500 ученых, которым она помогла с трудоустройством [Notgemeinschaft]. Впрочем, нередки были случаи, когда новые рабочие места при сохранении специаль-

ности предполагали уход из академической сферы. Так, например, некоторые профессора медицины становились практикующими врачами, а юриспруденции — адвокатами [Stiefel et al., 1991, p. 35]. Доступные данные не дают возможности дать даже приблизительную оценку, не говоря уже о точной, доли таких прецедентов.

В количественном отношении больше других поддается оценке работа Ассоциации на турецком, точнее говоря, на стамбульском треке. Во многом это направление открылось и «заработало» благодаря личным связям Шварца и Альберта Мальхе. Последний был близким другом тестя Шварца Синая Чулока и еще в 1931 году стал сотрудничать с турецкими властями по вопросам реформирования и реорганизации высшей школы. В 1932—1933 годах он регулярно встречался с министром образования Турции Решитом Галипом. Принято считать [Doyum, 1985, p. 30], что именно Мальхе первым выдвинул идею о масштабном привлечении немецких ученых в турецкие университеты, испытывавшие острую нехватку высококвалифицированных кадров. Вопрос же университетской реформы в силу своей стратегической важности в то время находился на личном контроле у главы государства Кемаля Мустафы Ататюрка.

Познакомившись по прибытии в Цюрих с Мальхе, Шварц, судя по всему, заинтересовался данным сюжетом [Schwartz, 1995, p. 15]. В начале июля 1933 года он отправился сначала в Стамбул, затем в Анкару. 6 и 7 июля того же года он провел в турецкой столице две встречи с министром образования Решитом Галипом, в ходе которых высказал готовность в самые короткие сроки привлечь к преподавательской деятельности в Стамбульском университете порядка 30 членов возглавляемой им Ассоциации [Schwartz, 1995, p. 17]. Торжественное открытие вуза после его реорганизации было запланировано на 1 августа, поэтому времени было крайне мало. С учетом сложившегося цейтнота Шварц вернулся в Цюрих, провел переговоры с потенциальными профессорами и уже 25 июля вновь приехал в Анкару со списком согласованных кандидатур, которые передал министру. Во второй поездке Шварца сопровождал профессор хирургии Рудольф Ниссен, которого вместо себя направил приглашенный турецкими властями его учитель, один из основоположников грудной хирургии Фердинанд Заурбах. Поскольку Решит Галип по основному образованию тоже был медиком, они достаточно быстро и легко нашли общий язык со Шварцем и Ниссеном [Schwartz, 1995, p. 19].

В силу личных обстоятельств 13 августа 1933 года Решит Галип подал в отставку, однако его преемники на посту министра Ибрахим Рефик Сайдам и Юсуф Хикмет Баюр подтвердили свои обязательства перед немецкими профессорами, договоренности по которым были достигнуты

ранее в ходе переговоров со Шварцем и Ниссенон [Schwartz, 1995, p. 20]. Заручившись согласием турецкой стороны, те вернулись в Цюрих.

Итогом этой миссии стало принятие на работу в Стамбульский университет в 1933—1934 учебном году 42 немецких профессоров, в том числе Фрица Арндта в качестве директора Института химии и Ганса Винтерштейна как руководителя Института физиологии [Doyum, 1985, p. 46]. Всего же, по оценкам самого Шварца [Schwartz, 1995, p. 21], в октябре—ноябре 1933 года в рамках данного проекта в Стамбул прибыло около 150 человек, включая ассистентов и членов семей профессоров. Согласно турецким подсчетам, эта цифра составила 166 человек [Doyum, 1985, p. 47].

Шварц, прибывший в бывшую столицу Османской империи 27 октября 1933 года с первой партией «профессоров-переселенцев», возглавил Институт патологии медицинского факультета. В целом же, допустимо считать, что и он, и его сподвижники влились в большой миграционный поток, следовавший из нацистской Германии в Турцию. Этот приток привел к осязаемому количественному росту и качественному развитию общины так называемых босфорских немцев, среди которых и без того было немало видных деятелей науки и культуры. Тем не менее работа Ассоциации тоже внесла туда свою лепту [Doyum, 1985, p. 47].

Всего число ученых, которым в той или иной степени помогла Ассоциация за годы своего существования, на сегодняшний день оценивается на уровне в 1794 человека [Notgemeinschaft]. Их поименный список размещен на мемориальной стеле, установленной в 2014 году на территории кампуса Франкфуртского университета по случаю 120-летнего юбилея Филиппа Шварца (1894—1977). Учитывая масштаб проблемы, а также то, что Ассоциация возникла сама, по инициативе «снизу» и, более того, благодаря конкретному апологету — Шварцу, данный показатель предстает вполне высоким и заслуживающим внимания.

4. Заключение = Conclusions

Анализ деятельности Ассоциации демонстрирует, насколько важны в консолидации научных диаспор, с одной стороны, фактор личности и, с другой стороны, эффективное сетевое взаимодействие (англ. *networking*). Что касается первого, то работа Филиппа Шварца и в дальнейшем Фрица Демута по созданию гибкой и эффективной организации не может быть недооценена. Следует также принимать во внимание и то, что для обеих она не была основной. Речь шла о добровольной общественной и к тому же неоплачиваемой нагрузке, своего рода научном волонтерстве. Поскольку Ассоциация не располагала никакими финансовыми средствами, у ее учредителей, руководителей и членов не могло быть материального инте-

реса. Архивные материалы и другие проанализированные нами источники не содержат свидетельств о какой бы то ни было спонсорской помощи, внешней или внутренней. Иначе говоря, и сама идея, и ее практическое, притом довольно успешное воплощение зиждились на личной инициативе и энтузиазме упомянутых выше ученых. Обусловленное этим отсутствие бюрократического аппарата, вероятно, также можно отнести к сильным сторонам анализируемой структуры.

Говоря о «нетворкинге», необходимо учитывать, что он осуществлялся в отсутствие современных информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий. Если бы описанные процессы протекали в настоящее время, ничего удивительного в этом бы не усматривалось. Однако речь идет о 1930-х годах, а затем и вовсе о военном времени. Наладить оперативную и безопасную коммуникацию, в то время как нацистские спецслужбы, следует полагать, оставались небезразличными к судьбам сбежавших от них ученых, было сложным и ответственным делом. Не предаваясь шпиономании, логично, впрочем, предположить, что перемещения ведущих немецких ученых попадали в поле зрения также и иностранных заинтересованных лиц и структур. Впрочем, относящаяся к этой теме информация, скорее всего, не будет доступна для открытого изучения — по крайней мере, в обозримом будущем.

Однако даже проведенный нами анализ публичных источников вполне позволил реконструировать основные вехи генезиса и институционализации немецкой научной диаспоры после 1933 года. В качестве параллельного, но отнюдь не альтернативного проекта «научно-диаспорального строительства» целесообразно также упомянуть основанную в 1934 году в Париже группой эмигрантов-интеллектуалов Чрезвычайную ассоциацию немецкой науки, искусства и литературы (нем. *Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft, Kunst und Literatur im Ausland*). В отличие от Ассоциации Шварца эта организация (к слову, тоже «Notgemeinschaft») носила довольно маргинальный характер, практически ничем не запомнилась, а ее работа не дала хоть в какой-то степени сопоставимых с первой плодов. Шварцу же и его соратникам, благодаря удачно выбранной стратегии, тактике и международным связям, удалось добиться весьма впечатляющих результатов. Их последующий анализ, равно как и рассмотрение карьерных траекторий едва ли не каждого ученого, воспользовавшегося услугами Ассоциации, может представлять интерес для дальнейших профильных исследований.

В завершение остается сказать, что наследие Филиппа Шварца в немецких академических и научно-дипломатических кругах не просто живо, но и активно культивируется. Так, в Цюрихе, Франкфурте и Стамбуле регулярно проводятся мероприятия, посвященные его памяти, а также деятель-

ности Ассоциации. А с 2016 года германский правительственный Фонд имени Александра фон Гумбольдта реализует программу, носящую имя Шварца, по поддержке научных работников, которые подвергаются риску в странах своего проживания [Против преследования ученых ..., 2021; Philipp Schwartz-Initiative]. Думается, что данные меры свидетельствуют о широком признании заслуг Филиппа Шварца перед научным сообществом Германии в целом и перед немецкой научной диаспорой в частности.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. *Бомба от немецкого барона* [Электронный ресурс] / С. Лесков // Известия. 27.08.2009. — Режим доступа : <https://ihst.ru/projects/sohist/news/2009/827.htm> (дата обращения 21.12.2024).
2. *Наука в рассеянии* [Электронный ресурс] / А. Алексеев // Коммерсант. 28.11.2019. — Режим доступа : <https://www.kommersant.ru/doc/4165703> (дата обращения 21.12.2024).
3. *Против преследования ученых* : инициативе им. Филиппа Шварца 5 лет [Электронный ресурс] / Д. Хрущева // Информационный портал Germania-online. — 26.04.2021. — Режим доступа : <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik/2455916-2455916> (дата обращения 21.12.2024).
4. *Социально-политическая функция национальных научных фондов* : сб. научн. статей ; МГИМО МИД РФ, каф. философии ; под ред. А. В. Шестопала, В. И. Коннова. — Москва : МГИМО-Университет, 2016. — 216 с.
5. *Benzenhöfer U. Zur Emigration des Neurologen Kurt Goldstein* / U. Benzenhöfer, G. Hack-Molitor. — Münster : Klemm, 2017. — 103 p. — ISBN 978-5-9228-1468-3.
6. *Feichtinger J. Wissenschaft zwischen den Kulturen. Österreichische Hochschullehrer in der Emigration 1933—1945* / J. Feichtinger. — Frankfurt am Main : Campus-Verlag, 2001. — 502 p.
7. *Fluntern erzählt* [Electronic Resource]. — Access mode : <https://flunternerzaehlt.ch/article/detail/200> (accessed 21.12.2024).
8. *Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums*. 07.04.1933. Deutsches Reichsgesetzblatt Band. — 1933. — Teil I. — Nr. 34. — Pp. 175—177.
9. *Doyum A. V. Alfred Kantorowicz unter besonderer Berücksichtigung seines Wirkens in Istanbul* (Ein Beitrag zur Geschichte der modernen Zahnheilkunde). Medizinische Dissertation / A. V. Doyum. — Würzburg : Universität Würzburg, 1985. — 334 p.
10. *Longerich P. Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung* / P. Longerich. — München : Piper, 1998. — 772 p.
11. *Mecklenburg F. Deutsche Juristen im amerikanischen Exil (1933—1950)* / F. Mecklenburg, E. C. Stiefel. — Tübingen : Mohr Siebeck, 1991. — 236 p.
12. *Notgemeinschaft Deutscher Wissenschaftler in Ausland* (Emergency Society for German Scholars in Exile) // Catalogue of the Archive of the Society for the Protection of Science and Learning, 1933—1987. Bodleian Library. Oxford. Signatur : MS. S.P.S.L. 119/1-5.

13. *Philipp Schwartz-Initiative*. Alexander von Humboldt Stiftung [Electronic Resource]. — Access mode : <https://www.humboldt-foundation.de/bewerben/foerderprogramme/philipp-schwartz-initiative> (accessed 21.12.2024).

14. *Researchers around the world band together to help fleeing Ukrainian scientists* [Electronic Resource] / M. Burke // Chemistry World, 16.03.2022. — Access mode : <https://www.chemistryworld.com/news/researchers-around-the-world-band-together-to-help-fleeing-ukrainian-scientists/4015377.article> (accessed 21.12.2024).

15. *Scientific Diasporas* / B. Seguin, P. A. Singer, A. S. Daar // Science. Policy Forum. — 2006. — Vol. 312. — Is. 5780. — Pp. 1602—1603.

16. *Schwartz P. Notgemeinschaft : zur Emigration deutscher Wissenschaftler nach 1933 in die Türkei* / P. Schwartz ; hrsg. und eingeleitet von H. Peukert. — Marburg : Metropolis, 1995. — 100 p.

Литература

1. *Авдашкин А. А.* «Кто мы и где наша Heimat?» Этническая идентичность российских немцев на рубеже XX—XXI вв. (на материалах Челябинской области) / А. А. Авдашкин // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2015. — № 1 (28). — С. 116—124.

2. *Авдашкин А. А.* Этнос, диаспора, нация: соотношение понятий / А. А. Авдашкин // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. — 2014. — № 4. — С. 59—69.

3. *Аллахвердян А. Г.* Российская научная диаспора как составляющая отечественной науки на рубеже XX—XXI веков / А. Г. Аллахвердян // Российский химический журнал. — 2007. — № 3 (51). — С. 99—107.

4. *Буслаев Г. Н.* Российская научная диаспора в Германии в 1990—2010-е годы : пути формирования и особенности развития / Г. Н. Буслаев, К. А. Немудров // Научный диалог. — 2024. — № 3. — С. 308—330. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330>.

5. *Дежина И. Г.* Политика России по развитию сотрудничества с зарубежными учеными-соотечественниками / И. Г. Дежина // Экономика и прогнозирование. — 2012. — Т. 10. — № 2. — С. 9—24.

6. *Дмитриев И. С.* Ученые во времена Третьего рейха (карьерная траектория Питера Дебая) / И. С. Дмитриев // Социология науки и технологий. — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 7—28.

7. *Долгова Е. А.* «Содействие у нас и защита у них» : советские комиссии обеспечения ученых как витринный проект в 1920—1930-е годы / Е. А. Долгова // Вестник Пермского университета. История. — 2022. — № 4 (59). — С. 62—71.

8. *Зевелева О. И.* Миграционная политика и коллективная идентичность : опыт российских немцев в Германии / О. И. Зевелева // Полис. Политические исследования. — 2014. — № 6. — С. 114—126.

9. *Коробков А. В.* Российская научно-технологическая диаспора в США [Электронный ресурс] / А. В. Коробков // Российский совет по международным делам. — 17.05.2012. — Режим доступа : <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauchno-tekhnologicheskaya-diaspora-v-ssha/> (дата обращения 05.12.2024).

10. *Миронова Е. М.* Совет послов русского зарубежья / Е. М. Миронова // Международная жизнь. — 2011. — № 13. — С. 1—19.

11. *Мозебах В. А.* Японская «научная диаспора» в XXI веке : особенности самоорганизации и политика государства в отношении работающих за рубежом уче-

ных / В. А. Мозебах, Р. О. Райнхардт // Научный диалог. — 2024. — № 2. — С. 449—476. — DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-449-476>.

12. Райнхардт Р. О. Наука о дипломатии, для дипломатии, в дипломатии / Р. О. Райнхардт // Обозреватель—Observer. — 2015. — № 5. — С. 58—72.

13. Рязанцев С. В. Эмиграция ученых из России : «циркуляция» или «утечка» умов / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная // Социологические исследования. — 2013. — № 4 (348). — С. 24—35.

14. Стародубцев Г. С. Становление русской научной международно-правовой диаспоры в Берлине (20-е гг. XX столетия) / Г. С. Стародубцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. — 2014. — № 4. — С. 337—346.

15. Турнаев В. И. Немецкие ученые в послепетровской России : встреча с действительностью / В. И. Турнаев // Вестник Томского государственного университета. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». — 2005. — № 289 (декабрь). — С. 65—72.

16. Fischer K. Die Emigration von Wissenschaftlern nach 1933 / K. Fischer // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 1991. — № 4 (39). — Pp. 123—186.

17. Grüttner M. Die Vertreibung von Wissenschaftlern aus den deutschen Universitäten 1933—1945 / M. Grüttner, S. Kinas // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. — 2007. — № 1 (55). — Pp. 535—549.

Статья поступила в редакцию 23.12.2024,
одобрена после рецензирования 30.01.2025,
подготовлена к публикации 20.03.2025.

Material resources

Against the persecution of scientists: the initiative named after Philip Schwartz 5 years old. (2021). *Information portal Germania-online*. 26.04. Available at: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/politik/2455916-2455916> (accessed 21.12.2024). (In Russ.).

Benzenhöfer, U., Hack-Molitor, G. (2017). *Zur Emigration des Neurologen Kurt Goldstein*. Münster: Klemm. 103 p. ISBN 978-5-9228-1468-3. (In Germ.).

Doyum, A. V. (1985). *Alfred Kantorowicz unter besonderer Berücksichtigung seines Wirkens in Istanbul (Ein Beitrag zur Geschichte der modernen Zahnheilkunde)*. Medizinische Dissertation. Würzburg: Universität Würzburg. 334 p. (In Germ.).

Feichtinger, J. (2001). *Wissenschaft zwischen den Kulturen. Österreichische Hochschullehrer in der Emigration 1933—1945*. Frankfurt am Main: Campus-Verlag. 502 p. (In Germ.).

Fluntern erzählt. Available at: <https://flunternerzaehlt.ch/articledetail/200> (accessed 21.12.2024). (In Germ.).

Gesetz zur Wiederherstellung des Berufsbeamtentums. (07.04.1933). *Deutsches Reichsgesetzblatt Band, I (34)*: 175—177. (In Germ.).

Longerich, P. (1998). *Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung*. München: Piper. 772 p. (In Germ.).

Mecklenburg, F., Stiefel, E. C. (1991). *Deutsche Juristen im amerikanischen Exil (1933—1950)*. Tübingen: Mohr Siebeck. 236 p. (In Germ.).

Notgemeinschaft Deutscher Wissenschaftler in Ausland (Emergency Society for German Scholars in Exile). *Catalogue of the Archive of the Society for the Protection of Sci-*

- ence and Learning, 1933—1987. Bodleian Library. Oxford. Signatur: MS. S.P.S.L. 119/1-5. (In Germ.).
- Philipp Schwartz-Initiative. Alexander von Humboldt Stiftung. Available at: <https://www.humboldt-foundation.de/bewerben/foerderprogramme/philipp-schwartz-initiative> (accessed 21.12.2024).
- Researchers around the world band together to help fleeing Ukrainian scientists. (2022). *Chemistry World*, 16.03. Available at: <https://www.chemistryworld.com/news/researchers-around-the-world-band-together-to-help-fleeing-ukrainian-scientists/4015377.article> (accessed 21.12.2024).
- Schwartz, P. (1995). *Notgemeinschaft: zur Emigration deutscher Wissenschaftler nach 1933 in die Türkei*. Marburg: Metropolis. 100 p. (In Germ.).
- Science in scattering. (2019). *Kommersant*. 28.11. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4165703> (accessed 21.12.2024). (In Russ.).
- Scientific Diasporas. (2006). *Science. Policy Forum*, 312 (5780): 1602—1603.
- Shestopal, A. V., Konnov, V. I. (eds.). (2016). *Socio-political function of National Scientific Foundations: collection of scientific articles; MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Department of Philosophy*. Moscow: MGIMO University. 216 p. (In Russ.).
- The bomb from the German baron. (2009). *Izvestia*. 27.08. Available at: <https://ihst.ru/projects/sohist/news/2009/827.htm> (accessed 21.12.2024). (In Russ.).

References

- Allahverdyan, A. G. (2007). The Russian scientific diaspora as a component of national science at the turn of the XX—XXI centuries. *Russian Chemical Journal*, 3 (51): 99—107. (In Russ.).
- Avdashkin, A. A. (2014). Ethnos, diaspora, nation: correlation of concepts. News of higher educational institutions. *The Ural region*, 4: 59—69. (In Russ.).
- Avdashkin, A. A. (2015). “Who are we and where is our Heimat?” Ethnic identity of Russian Germans at the turn of the XX—XXI centuries. (based on the materials of the Chelyabinsk region). *Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 1 (28): 116—124. (In Russ.).
- Buslaev, G. N., Nemudrov, K. A. (2024). Russian Scientific Diaspora in Germany in 1990s—2010s: Formation Paths and Development Features. *Nauchnyi dialog*, 13 (3): 308—330. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-3-308-330> (In Russ.).
- Dezhina, I. G. (2012). Russia’s policy of developing cooperation with foreign scientists. *Economics and forecasting*, 10 (2): 9—24. (In Russ.).
- Dmitriev, I. S. (2019). Scientists during the Third Reich (career trajectory of Peter Debye). *Sociology of Science and Technology*, 10 (3): 7—28. (In Russ.).
- Dolgova, E. A. (2022). “Assistance from us and protection from them”: Soviet commissions for scientists as a showcase project in the 1920s and 1930s. *Bulletin of Perm University. History*, 4 (59): 62—71. (In Russ.).
- Fischer, K. (1991). Die Emigration von Wissenschaftlern nach 1933. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 4 (39): 123—186. (In Germ.).
- Grüttner, M. (2007). Die Vertreibung von Wissenschaftlern aus den deutschen Universitäten 1933—1945. *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 1 (55): 535—549. (In Germ.).
- Korobkov, A. V. (2012). The Russian scientific and technological diaspora in the USA. *Russian Council for International Affairs*. 17.05. Available at: <https://russiancouncil.ru>

- ru/analytics-and-comments/analytics/rossiyskaya-nauchno-tekhnologicheskaya-diaspora-v-ssha/ (accessed 05.12.2024). (In Russ.).
- Mironova, E. M. (2011). Council of Ambassadors of the Russian diaspora. *International life*, 13: 1—19. (In Russ.).
- Mozebach, V. A., Reinhardt, R. O. (2024). Japanese ‘Scientific Diaspora’ in 21st Century: Features of Self-Organization and State Policy towards Japanese Researchers Overseas. *Nauchnyi dialog*, 13 (2): 449—476. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-2-449-476> (In Russ.).
- Reinhardt, R. O. (2015). Science about diplomacy, for diplomacy, in diplomacy. *Obozrevatel-Observer*, 5: 58—72. (In Russ.).
- Ryazantsev, S. V., Pisennaya, E. E> (2013). Emigration of scientists from Russia: “circulation” or “leakage” of minds. *Sociological research*, 4 (348): 24—35. (In Russ.).
- Starodubtsev, G. S. (2014). The formation of the Russian scientific international legal diaspora in Berlin (the 20s of the XX century). *Bulletin of the People’s Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 4: 337—346. (In Russ.).
- Turnaev, V. I. (2005). German scientists in post-Petrine Russia: a meeting with reality. *Bulletin of Tomsk State University. The series “History. Local history. Ethnology. Archeology”*, 289 (December): 65—72. (In Russ.).
- Zeveleva, O. I. (2014). Migration policy and collective identity: the experience of Russian Germans in Germany. *Polis. Political research*, 6: 114—126. (In Russ.).

*The article was submitted 23.12.2024;
approved after reviewing 30.01.2025;
accepted for publication 20.03.2025.*